

В этот момент двое мужчин в спешке вернулись наверх, а прямо за ними на плавающих носилках лежала Пандора с закрытыми глазами. Ее кожа была призрачно-бледной. Они направились прямо к камину и прошли через него вместе с Пандорой, сказав что-то ведьме-медику, чего Рон не понял.

«Мамочка!» – Луна закричала и побежала к камину, за ней немедленно последовал Рон. Но они оба были остановлены ведьмой-медик, которая схватила их за руки.

«Отпусти меня», – взвизгнула Луна.

«Ш-ш-ш, все в порядке, вы двое. С вашей мамой все будет в порядке», – прошептала она, опускаясь на колени, чтобы они были одного роста.

Луна пыталась сопротивляться, но женщина мягко заговорила с Луной, сказав ей, что все будет хорошо. Когда Луна немного успокоилась и начала плакать навзрыд, женщина отпустила руку Рона и обняла Луну.

«Все в порядке, малышка», – прошептала она. «Твой брат спас твою маму. Он был очень храбрым, так что ты тоже должна быть храброй. Все хорошо, все будет хорошо».

Пока женщина успокаивала Луну, Рон просто стоял и смотрел на камин. У него кружилась голова, и он чувствовал тошноту. К горлу подступила рвота, но он сумел проглотить ее обратно. Удары его сердца отдавались в ушах, как громкие барабаны. Его пальцы начали болеть так сильно, что он больше не мог сдерживать слез. Он упал на колени и согнулся, приняв свернувшееся калачиком положение. Он зажал руки между коленями и грудью и заплакал от боли. Это так больно... Заметив это, ведьма-медик повернулась к Рону и спросила его, что случилось.

«Мои...» – его голос сорвался, когда очередной всхлип вырвался из его горла. «У меня болят руки...». Ведьма-медик быстро подошла к нему и сказала, чтобы он показал ей свои руки. Так он и сделал. Он услышал, как она ахнула, и когда поднял глаза, чтобы увидеть ее лицо сквозь слезы, он обнаружил, что немного смущен. Глаза женщины были широко раскрыты, а рот слегка приоткрыт.

«Твои ногти... Это их ты использовал, чтобы поцарапать руны?» – ее голос немного дрожал. Он просто кивнул и снова начал рыдать. Боль была невыносимой.

Луна все еще плакала, но, по крайней мере, не так громко, как раньше. Ведьма-медик подошла к Рону и взяла его на руки, как ребенка. Затем она велела Луне следовать за ней, когда сама направилась к камину.

Они прошли через камин, и на Рона накатил еще одна волна тошноты. На этот раз он не смог остановить свою тошноту, и его вырвало на ведьму-медика. Однако она не переставала двигаться, ни на секунду. Его зрение начало темнеть. Он так устал. Мне просто нужно поспать. Всего на несколько минут. А потом наступила темнота.

В следующий раз, когда Рон проснулся, он был в незнакомой белой комнате. Его зрение все еще было немного туманным, а горло пересохло, как наждачная бумага. Он протер глаза и оглядел комнату.

Его отец и Джинни спали справа от него, на маленьком диване недалеко от его кровати. Джинни прижалась к правому боку отца. Он попытался окликнуть их, но его рот издал только низкий, надтреснутый звук. От попытки заговорить у него заболело горло. Вода. Мне нужна вода. Он посмотрел налево и обнаружил стакан воды на тумбочке рядом с кроватью.

Он протянул руку, чтобы схватить его, и его тело заныло от резкого движения. Ему удалось схватить стакан и поднести его к губам. Он сделал большой глоток воды и выпил ее целиком. Его горло уже чувствовало себя в сто раз лучше. Он поставил стакан обратно на тумбочку, но его слегка дрожащие руки привели к тому, что стакан издал громкий звук при соприкосновении с тумбочкой. Дерьмо.

Он оглянулся, чтобы посмотреть, не разбудил ли он отца и Джинни по ошибке. Джинни все еще спала, но его отец не спал. Вместо этого его отец смотрел на него с очень грустной улыбкой. Рон заметил, что глаза его отца сияют. Это что, слезы? Его отец медленно подвинул Джинни, не разбудив ее, и встал с дивана. Затем патриарх Уизли подошел к свободному стулу и придвинул его к кровати Рона.

«Привет, пап», – прохрипел Рон. Его отец продолжал улыбаться, когда сел на стул рядом со своей кроватью. Затем его отец протянул руку и положил свою левую руку на правую руку Рона.

«Привет, сынок», – сказал Артур тихим и мягким голосом. Отец сжал его руку. «Я так рад, что ты наконец-то проснулся». Наконец-то?

«Как долго я спал?» – голос Рона стал лучше, и ему больше не было больно говорить.

«Целых два дня. Ронни, мы так волновались». Затем его отец издал тихий смешок и потер глаза свободной рукой. Рон не мог не заметить, что его отец смотрит на него с большой любовью.

«Папа, что случилось? Ты выглядишь... грустным».

«Я не грущу, Ронни». Теперь голос его отца звучал немного громче. «Я так горжусь тобой, сынок, так горжусь». Гордишься мной? Сердце Рона пропустило удар. Его последние воспоминания, перед тем как он потерял сознание, нахлынули снова.

«Миссис Лавгуд! Папа – миссис Лавгуд...» Его отец тихо шикнул на него, и затем улыбка вернулась на лицо Артура.

«С ней все будет в порядке, Рон, целители подтвердили, что её состояние стабильно и она выздоравливает».

Рон выдохнул, сам не зная, что задержал дыхание. Все его тело просто растаяло, и он снова опустил голову. Я сделал это... Я действительно сделал это? Я спас ее... Я изменил будущее. Я могу изменить будущее.

Смех облегчения вырвался из его горла. Слезы навернулись ему на глаза, и он быстро вытер их свободной рукой. Я могу спасти Фреда. Он никогда не был так счастлив, как в этот момент. Отец снова сжал его руку.

«Рон, ты так хорошо справился. Ты был таким храбрым. Я никогда не был так горд, как сейчас».

Его слова значили для Рона все, и они подтолкнули его к краю пропасти. Он плакал

следующие десять минут, пока отец забирался к нему на кровать и обнимал его. Артур медленно раскачивался взад-вперед и бормотал слова утешения своему сыну. Его храброму сыну, который оторвал себе ногти на пальцах, чтобы спасти жизнь другого человека.

«Ты знаешь, что случилось, папа?» – Рон, наконец, снова смог говорить, но его голос был хриплым от слез. Он плакал из-за облегчения, которое испытал. От радости, которую он испытывал. И от страха, который он пережил в последние часы своего бодрствования.

Отец называл его храбрым, но он не чувствовал себя храбрым. Последние несколько часов бодрствования он чувствовал себя таким беспомощным и слабым. Он никогда не хотел чувствовать себя так снова.

«Сынок, это не имеет значения».

«Папа, пожалуйста? Пожалуйста, просто скажи мне. Я должен знать. С Луной все в порядке? Миссис Лавгуд действительно лучше?» Его отец помолчал, прежде чем глубоко вздохнуть.

«Да, сынок, с Луной все в порядке. И да, с миссис Лавгуд тоже все будет в порядке», – его отец сделал паузу, но затем продолжил через короткое мгновение.

«Пандора пыталась создать какую-то новый оберег, сынок. Заклинание дало обратный эффект и начало истощать ее магическое ядро до самой силы. Когда целители привезли ее...» – его отец снова остановился, но затем продолжил, когда Рон посмотрел на него:

«Сынок, у нее были серьезные ожоги большинства внутренних органов. У нее также было сильное внутреннее кровотечение. Если бы ты действовал хотя бы на минуту позже... она была бы мертва».

Глаза Рона расширились, услышав это. Он был на грани. Он почувствовал, как стыд прокрался в его тело, когда он подумал о том, как он застыл у двери. Как он стоял там, плача, как маленькая девочка, в то время как миссис Лавгуд умирала в агонии. Я так долго колебался... Она страдала, пока я просто стоял там.

Почувствовав мрачное настроение сына, Артур крепче обнял Рона и поцеловал его в макушку.

«Послушай меня, сынок, и слушай внимательно. Ты спас чью-то жизнь. Ты сорвал свои собственные... свои собственные ногти, чтобы сделать это. Это один из самых смелых поступков, которые я когда-либо видел», – голос его отца был твердым, но странным образом успокаивающим.

«Никогда не сомневайся в том, какой ты храбрый, Рональд. Никогда не смей сомневаться в этом. Ты проявил больше мужества, чем большинство мужчин, которых я встречал в своей жизни. Я не мог бы гордиться как отец больше, чем сейчас. Ты понимаешь, сынок?»

Рон кивнул.

В его глазах снова появились слезы, но он не мог сказать, по какой причине. Была ли это радость от любви, которую проявлял к нему отец, или ему было стыдно за то, что из-за его минутной слабости чуть не погибла женщина? Рон не хотел знать ответ на этот вопрос. По крайней мере, пока.

На следующее утро комната Рона была наводнена Уизли. Они все приехали в больницу, чтобы навестить его из Хогвартса, а в случае Билла – из Египта. Джинни запрыгнула к нему на кровать, как только проснулась, и не отходила от него ни на секунду.

Его мать в значительной степени говорила именно то, что говорил его отец. С добавлением той части, где она сказала ему, что он был гриффиндорцем до мозга костей.

Сначала Перси волновался, но когда он понял, что Рон в безопасности и в добром здравии, он прослезился и просто целую минуту обнимал Рона. Это потрясло всех, потому что Перси никогда так не терял контроль над своими эмоциями.

Близнецы тоже были на удивление добрыми и любящими. Они с гордостью признали, что Рон был настоящим героем. Что заставило Рона просиять и рассмеяться. Когда они попросили его показать им свои ногти, они были немного разочарованы, увидев, что они уже были волшебным образом исцелены.

Чарли тогда назвал его «настоящим крутым ублюдком», чем заслужил хмурые взгляды родителей и смех братьев и сестер. Но из всех братьев и сестер Уизли никто не был так горд, как Билл. Тот факт, что Рон использовал факт, о котором ему рассказал Билл просто из прихоти, без надежды на что-то значимое, чтобы спасти жизнь женщины, оставил Билла без слов. Он не смог удержаться и поцеловал Рона в макушку, смеясь над борьбой, которую затеял его брат.

Затем Билл пошутил, что в следующий раз, когда им понадобится, чтобы кто-нибудь взломал защиту, они позовут Рона. Они все посмеялись над этим, и с тех пор день просто стал лучше, так как они все тусовались и общались друг с другом.

Луна и ее отец навестили ее днем, после того как все Уизли, кроме Молли, ушли домой (Джинни пришлось практически тащить их отца). Луна только что запрыгнула к нему на кровать и крепко обняла его, бормоча слова благодарности так, чтобы он мог слышать.

Когда она отпустила его, Ксенофилиус Лавгуд подошел и схватил обе руки Рона в свои. Он поцеловал руки Рона, отчего Рону стало очень неловко. Когда Ксенофилиус поднял голову, его глаза были налиты кровью и полны непролитых слез. Мужчина выглядел так, словно пережил что-то действительно ужасное.

Весь гнев, который Рон испытывал против этого человека за то, что тот не был рядом с его женой и дочерью, исчез в этот момент. Он мог видеть сожаление и боль в глазах Ксенофилиуса. Ксенофилиус попросил Луну выйти на минутку, потому что ему нужно было поговорить о чем-то очень важном с Роном и его матерью.

Луна нахмурилась, но в конце концов ушла, быстро поцеловав Рона в щеку. Это заставило Рона покраснеть, и он услышал, как его мать хихикнула. Ксенофилиус сел рядом с Роном на кровать и посмотрел ему в глаза.

«Спасибо, спасибо», – воскликнул Ксенофилиус. «Ты спас мою жену... ты спас мою семью. Я обязан тебе всем. Я в долгу перед тобой всей жизнью. Ты знаешь, что такое долг жизни, Рональд?» Рон покачал головой.

«Это значит, что я всегда буду тебе предан, Рон. Это значит, что если тебе когда-нибудь что-нибудь понадобится, даже не стесняйся спрашивать. Если это в моих силах, то я сделаю все возможное».

Глаза Рона расширились, услышав это. Верность? Рон задумался над словами мистера Лавгуда. Он спас миссис Лавгуд не потому, что хотел что-то получить от этого. Он сделал это, потому что она ему нравилась. Она была добра к нему и была хорошим человеком. Он спас ее, потому что она была матерью Луны, а Луна любила свою мать больше, чем кто-либо другой. Он спас ее, потому что его дар дал ему этот шанс.

Поэтому он решил рассказать об этом мистеру Лавгуду, ну, обо всем, о чем он только что подумал, кроме той части, что касается того, чтобы быть провидцем. Когда Рон закончил рассказывать, Ксенофилиус просто уставился на мальчика широко раскрытыми глазами.

Мать Рона расплакалась и, извинившись, вышла из комнаты. Я сказал что-то не так? Мне действительно нужно контролировать то, что я говорю...

«Благослови тебя господь, мой мальчик, благослови тебя!» Мистер Лавгуд теперь плакал, низко опустив голову и закрыв лицо руками. Рону снова стало не по себе, когда он увидел, как взрослый мужчина вот так плачет. Но он полагал, что даже если он сам когда-нибудь станет взрослым, потеря семьи заставит его тоже плакать. Поэтому он ничего не сказал и просто тихо сидел.

<http://tl.rulate.ru/book/78878/2390206>